

Ваан Терьян

Золотая Цепь

* * *

Уже расцвел мой сад зеленый,
И сердцем правит волшебство:
Люблю, любовью изумленный,

Люблю, не ведая – кого.

И, как раскрывшаяся роза,
Трепещет сердце, и, хмельной,

Не задаю себе вопроса,
Не спрашиваю: что со мной?

* * *

Опять я с тобой – и спокойно

Бездомное сердце стучит.

Защитой ему от обид

Ты служишь, с тобою не больно.

В наирском твоём языке,

В тончайшей её паутинке

Такие соринки, запинки —

Баюкаешь, как в гамаке.

Так ярки лучи твоих глаз,

Так тонки словесные сети —

Не помню, в который уж раз
В плену их очнусь на рассвете...

* * *

Дитя мое, ты как птица
Над вешним простором луга.
Пусть мимо тебя промчится
Стрела, пусть мороз и вьюга
Души твоей не остудят,
Пусть крыл не коснется пламя,
Нетронутым сердце будет
Сиять, как звезда, над нами.
Ты лилией белоснежной
Цветешь на горе высокой,
Так пусть красы безмятежной
Дурное не встретит око!

* * *

...И мне приснился странный сон.

Я золотую дверь увидел.
Над нею свод был вознесен
Из пламени. Поверь, увидел
Я далее цветущий сад,
И там я белый клен увидел
И ангела – крыла висят,

А облик умилен – увидел.
Затем две чаши я увидел,
Две чаши, полные вина,
Затем я два копьа увидел,
Услышал чьи-то имена.
И сердце я потом увидел
В крови и отблесках огня.
И палача с мечом увидел
И прошептал: «Убей меня».

* * *

Осень, дни холодеют уже,
Ночь уходит в туман за рекою.
Сколько нежности ныне в душе,
Сколько в ней тишины и покоя!
Светлой грустью мой дух осенен,
Сердце сладкая боль наполняет:
Всё – ушедшие грезы и сон,
Осень золото наземь роняет...

* * *

Люблю я безумцев, с которыми время сурово,
Всех тех, у кого ни отрады, ни дома, ни крова.
Сирот – им вовек не ступить на родимый порог —
И женщин распутных, в глазах у которых – порок,

И тех, кто – решимость в душе – не смирился с судьбою
И рыскает ночью с ножом по дороге разбоя.
И тех, кто, любовь потеряв, уступили судьбе,
И тех, кто, душой умерев, предаются алчбе.
Ах, если бы только я с теми сумел породниться,
Кто, богом забыт и людьми, погибает в темнице!
Стать братом тому, кто, в бессилье своем одинок,
Последней надежды утратил во тьме огонек.
И с братом своим горемыкой – бродягой и вором, —
Путь крестный безвестно пройдя, умереть под забором.

ПЕТЕРБУРГ

(Сонет)

Туман раскинул сумерки свои...
Мелькнут в ночи холодные зарницы...
Нева – как заговорщик, ей не спится,
Она струится кольцами змеи.
Стоят дворцы в кровавом забытии,
Их окна – словно черные глазницы.
Но то, что в них таится, прояснится —
Все злодеянья, как их ни таи.
И небосвод сливается с землей
И смотрит столь насупленно, беззвездно,
Безрадостно, и холодно, и грозно,
Что ты уже готов бежать долой,

Но околдовывает этот злой
Кошмар, и эта тьма, и поздно, поздно...

* * *

Одно лишь спасение есть:
Как боль ни томит,
Любить, даже если не счесть
Всех ран и обид...
И радость одна только есть,
И дар, может быть.
Какая высокая честь —
Страдать и любить...

* * *

Я с осуждением не глядел
На мир печальный.
Страдать — вовек людской удел
И изначально.
Кого мне, в грудь себя бия,
Молить: «Нам трудно»?
Ах, все беспомощны, как я,
Всем бесприютно...

* * *

Ту же песню поете, всё ту же

Сколько лет! – сосчитать не берусь...

Как завязан – бывает ли туже? —

Ваш, о сердце и ветер, союз...

В этой песне рыдают, рыдают,

И рыдание в небе парит...

Твое сердце не так же ль страдает,

Ветер, – в час, когда плачешь навзрыд?

* * *

Глядишь, улыбки не тая,

Зовешь меня, влечешь меня,

В грудь направляешь два копыя,

Двумя огнями жжешь меня.

Пьянея от любви, «приди!» —

Ты шепчешь мне, зовешь меня,

Твой взгляд так нежен, – не гляди, —

Бросает в жар и в дрожь меня.

Как солнца черного лучи,

Лучи волос – прожжешь меня.

Нет слаще муки: мучь, топчи,

Лаская, уничтожь меня!

* * *

Так грациозно, так легко, неслышно так шагаешь ты

Огнем зарницы далеко, рассеяв мрак, сверкаешь ты

Пугливой, быстрой ланью гор прочь от ловца
сбегаешь ты
Так нежно, опуская взор, томя сердца, ласкаешь ты
Любовь твоя всех бедствий злей, – о, не гляди! —
пугаешь ты
Как два копья, концы бровей – о, пощади! —
сдвигаешь ты.
Весь мир ты держишь под пятой, в пучину зла
ввергаешь ты, —
О злое солнце, красотой меня дотла сжигаешь ты.

К ПАОЛО 1

Когда-то в твоём Ереване
Асо² навевал тебе сон.
Отныне вдали упованье
Ты видишь, как новый Язон.
Не песней наирскою зыбкой,
Не солнцем родным осиян —
Могучей и грозной музыкой
Волнует тебя океан.
У нас распускаются клены
И зелен задумчивый Норк,
А ты всё твердишь воспаленно,

Твердишь, как в горячке: «Нью-Йорк!»

Дух странствий тебя не оставит,

Коль скоро однажды настиг.

Езжай! Но настанет, настанет

Печали томительный миг.

И вспомнится сладость мотива,

Который нам бог даровал,

И сердце сожмется тоскливо,

И скажешь ты: «О Ереван...»

* * *

Я словно сирота бездомный

Без мамы и в беде.

Он, этот мир, такой огромный,

А кровя нет нигде.

Бреду себе, куда бредется,

Куда глаза глядят.

Переночую, где придется,

Где только приютят.

Везде – чужбина. Отовсюду

Я изгнан и гоним.

О сердце бедное, как буду

Я горе мыкать с ним?!

Мне плохо, сир... С неба манну

Не жду уже, скорбя.

Наступит ночь – опять я стану

Баюкать сам себя.

* * *

Мы – двое заблудших детей.

И, милостыню собирая,

Бредем наугад, без путей,

А злу ни конца и ни края.

Темно и пустынно. В глуши

Всё чуждое, всё неживое.

Нас двое, нас только двое.

Кругом ни души.

* * *

Мы оба – дети, оба

Две тени – ты и я —

Заброшены до гроба

В далекие края.

Мы два листка во власти

Безжалостных ветров,

И тянется ненастье,

И мир суров, суров.

В жестокой круговерти

Нигде не брезжит свет.

Кто нас спасет от смерти,

Коль скоро бога нет?

* * *

Мое жаркое солнце темнеет в тумане,
Погружаясь бессильно в крошечную тьму.
Но любовь твоя к сердцу спешит моему
И спасает во мгле – на пределе, на грани...
Точно мать, добротой бескрайней своей
Ты простила все промахи мне и паденья.
И на помощь спешила ты без промедленья,
Как к ребенку, – сквозь сумрак безрадостных дней.

Как дитя свое малое – душу мою
Полюбила ты сразу в часы испытаний...
Словно солнце, пробила дорогу в тумане,
Что набросил на сердце мое кисею...
Неподдельным чеканом, печатью, тавром
Твое имя оттиснуто в сердце моем.

* * *

Горек мой жребий,
Грустен очаг.
Мрачно на небе,
На сердце – мрак.
Спи, мое сердце,
Жизнь так пуста.

Некуда деться,

Ты – сирота.

Холодно, наго...

Тягостен вздох:

Где ж оно, благо?

Где же он, бог?

* * *

Приходят, как волны, дни

И вновь уходят волной...

Спи кротко, дитя, усни,

Глубь мира – лишь пламень злой.

Лик неба навек погас,

И горек земной простор.

Лишь я берегу твой час,

Спи кротко, лилия гор!

Спи, спи, мотылек, усни.

Цвет крыльев твоих измят...

Мы в дальнем плену одни...

Лишь трепет сердечный свят...

* * *

Избавьте меня от разлада

И мыслей, и слов,

От долгого, долгого ада

Болезненных снов.
Душа побывала в зените,
А ныне скорбит.
Любовью меня исцелите
От горьких обид.
Как радость приемлю мученье —
Таков мой обет.
И все-таки нет излечения
От муки и бед.
Сраженный обманом и ложью,
Объятый тоской,
Не верю ни истине божьей,
Ни правде людской.

* * *

Сжигали тебя беспощадно
Пустой суетой,
Любовной тщетой
И злобностью жадной.
И вот, как ребенок открыт,
Выходишь ты снова
К ударам готовый...
Твоя беззащитность — твой щит...
О шкипер, отважный и мудрый,
Тебе я сдаю

Лодчонку свою —
Кораблик свой утлый.
Один только ты, капитан,
Недремлющий, строгий,
Все знаешь дороги
Сквозь этот крошечный туман...

* * *

В златотканой одежде явилась ты,
Грустноокая осень... В туманной мгле
Листья тихо падают с высоты
И шуршат, как шелк, скользя по земле.